

ЯКОВ
КАНЯВСКИЙ

ЕСТЬ
ТОЛЬКО
МИГ

Книга 8

Яков Канявский
Есть только миг.
Книга 8. Разведка
Серия «Есть только миг», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74643436

Есть только миг: роман. Книга 8. / Яков Канявский: Четыре; СПб; 2026
ISBN 978-5-908165-09-9

Аннотация

Эта серия книг повествует о людях, не зря проживших жизнь. Все они жили в разное время, но каждый из них чего-то добился в своей области: в науке, литературе, искусстве, политике, разведке и других областях.

Серия эта является трудом многих сотен людей, писавших о конкретных героях. Автору посчастливилось найти и собрать некоторое количество данного материала.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

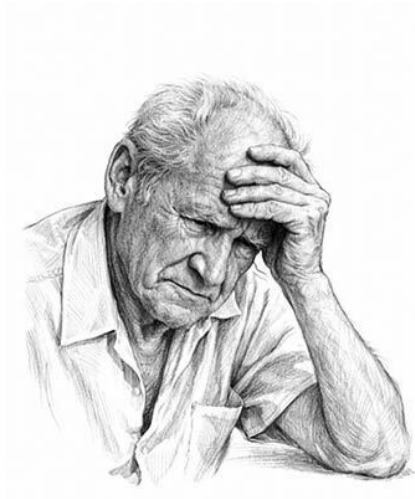
Содержание

Глава 1. Из глубины веков

6

Конец ознакомительного фрагмента.

70

Яков Канявский

Есть только миг.

Книга 8. Разведка

© Канявский Яков, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

*Мы больше в этот мир вовек не попадём,
вовек не встретимся с друзьями за столом.
Лови же каждое летящее мгновенье —
его не подстеречь уж никогда потом.*
Омар Хайям

Знаменитый американский политик Генри

Киссинджер

в разговоре с Владимиром Путиным как-то заметил:

«Все приличные люди начинали свою карьеру в разведке.

Вы и я – тоже».

Глава 1. Из глубины веков

Эта работа требует от людей умения приспосабливаться к любой обстановке, а также знаний и мужества. Ведь работать приходится часто с риском для жизни.

В понятие «разведка» входит не только то, что часто называют шпионажем, то есть добывание информации о реальном или потенциальном противнике. Среди её других направлений существуют так называемые «активные мероприятия» – акции по навязыванию противнику и общественному мнению своих взглядов.

Пользу любому государству приносят не только острый меч, но и мягкие методы психологической войны. Эту миссию часто выполняют разведчики. Одна из серьёзных миссий выпала в своё время **Кириллу и Мефодию**.

Кирилл и Мефодий родились в греческом городе Солуни (нынешние Салоники) в семье военачальника по имени Лев, которого авторы жизнеописания парочки святых характеризуют как «хорошего рода и богатый». Будущие монахи росли в компании ещё пятерых братьев.

До пострига мужчины носили имена Михаил и Константин, причём первый был старше – родился в 815 году, а Константин в 827-м. По поводу этнической принадлежности семейства в кругах историков до сих пор не утихают споры. Одни относят его к славянам, потому как эти люди в совершенстве владели славянским языком. Другие приписывают греческие корни.

Мальчики получили блестящее образование, а когда возмужали, их пути разошлись. Мефодий подался на военную службу по протекции верного друга семьи и дорос даже до губернатора византийской провинции. На «славянском княжении» зарекомендовал себя как мудрый и справедливый правитель.

Кирилл с раннего детства увлекался чтением книг, поражаемое окружение отменной памятью и способностями к наукам, слыл полиглотом – в языковом арсенале, кроме греческого и славянского, числились иврит и арамейский. В 20 лет молодой человек, выпускник Магнаврского университета, уже преподавал азы философии в придворном училище при Царьграде.

Кирилл наотрез отказался от светской карьеры, хотя такую возможность предоставили. Женитьба на крестнице чиновника царской канцелярии в Византии открывала головокружительные перспективы – руководство областью в Македонии, а дальше и должность главнокомандующего. Однако юный богослов (Константину исполнилось всего 15 лет)

предпочёл ступить на церковную стезю.

Главной задачей для правительства Византии на тот момент считалось укрепление и пропаганда православия. Вместе с дипломатами, которые колесили по городам и весям, где вели переговоры с религиозными врагами, ездили миссионеры. Им и стал в 24 года Константин, отправившись с первым важным заданием от государства – наставлять мусульман на путь истинный.

В конце 50-х годов IX века братья, устав от мирской суеты, удалились в монастырь, где 37-летний Мефодий принял постриг. Однако отдыхать Кириллу долго не позволили: уже в 860 году мужчину призвали к трону императора и поручили вступить в ряды Хазарской миссии.

Дело в том, что хазарский каган объявил о межрелигиозном диспуте, где христианам предлагалось доказать иудеям и мусульманам истинность веры. Хазары уже были готовы переметнуться на сторону православия, но поставили условие – только в случае победы византийских полемистов в спорах.

Кирилл взял с собой брата и блестяще выполнил возложенное на его плечи задание, но всё равно миссия полностью не удалась. Хазарское государство христианским не стало, хотя каган и разрешил людям креститься. В этой поездке случилось серьёзное для верующих историческое событие. По пути византийцы заглянули в Крым, где в окрестностях Херсонеса Кирилл нашёл мощи Климента, святого папы римского, четвёртого по счёту, которые затем передали

в Рим.

Братья были задействованы в ещё одной важной миссии. Однажды помощи у Константинополя попросил правитель моравских земель (славянское государство) Ростислав – требовались учителя-богословы, чтобы те на доступном языке рассказали народу об истинной вере. Таким образом князь собирался уйти от влияния епископов-немцев. Эта поездка стала знаковой – появилась славянская азбука. В Моравии братья работали не покладая рук: переводили греческие книги, преподавали славянам азы чтения, письма, а заодно учили вести богослужения. «Командировка» заняла три года. Результаты трудов сыграли большую роль в подготовке к крещению Болгарии.

В 867 году братьям пришлось ехать в Рим, чтобы держать ответ за «богохульство». Кирилла и Мефодия Западная Церковь назвала еретиками, обвинив в том, что они читают проповеди в том числе на славянском языке, тогда как о всевышнем разговаривать можно только на греческом, латинском и еврейском.

По пути в итальянскую столицу остановились в Блатенском княжестве, где обучили народ книжному делу. Прибывшим в Рим с мощами Климента так обрадовались, что новый папа Адриан II разрешил проводить богослужения на славянском и даже позволил переведённые книги разложить по церквям. Во время этой встречи Мефодий получил епископский сан.

В отличие от брата Кирилл лишь на пороге смерти постригся в монахи – так нужно было. После кончины проповедника Мефодий, обросший учениками, вернулся в Моравию, где пришлось столкнуться с немецким духовенством. Умершего Ростислава сменил племянник Святополк, который поддерживал политику немцев, не дававших спокойно работать византийскому священнику. Пресекались любые попытки распространять славянский язык в качестве церковного.

Мефодий даже три года сидел в заключении при монастыре. Освободиться помог римский папа Иоанн VIII, который наложил запрет на литургии до тех пор, пока Мефодий в тюрьме. Однако, чтобы не нагнетать обстановку, Иоанн же запретил и богослужение на славянском языке. Лишь проповеди не карались законом.

Но выходец из Салоников на свой страх и риск продолжал тайно проводить службы на славянском. В это же время архиепископ крестил чешского князя, за что чуть позже предстал на суде в Риме. Впрочем, удача благоволила Мефодию – он не просто избежал наказания, а ещё и получил папскую буллу и возможность снова вести богослужения на славянском языке. Незадолго до смерти успел перевести Ветхий Завет.

Братья из Салоников вошли в историю как создатели славянской азбуки. Время события – 862 или 863 год. Житие Кирилла и Мефодия утверждает, что идея родилась ещё в

856 году, когда братья вместе с учениками Ангеларием, Наумом и Климентом поселились на горе Малый Олимп в монастыре Полихрон. Здесь Мефодий служил настоятелем.

Авторство алфавита приписывают Кириллу, а вот какого именно, остаётся загадкой. Учёные склоняются к глаголице, на это указывают 38 знаков, которые она содержит. Что касается кириллицы, то её воплотил в жизнь Климент Охридский. Однако если даже это и так, то ученик всё равно использовал наработки Кирилла – это он вычленил звуки языка, что самое важное при создании письменности.

Основой для алфавита послужила греческая тайнопись, буквы очень похожи, поэтому глаголицу путали с восточными азбуками. А вот для обозначений специфических славянских звуков взяли еврейские буквы, к примеру, «ш».

Константина-Кирилла в поездке в Рим сразила тяжёлая болезнь, а 14 февраля 869 года он умер – этот день в католицизме признан днём памяти святых. Тело предали земле в римском храме Святого Климента. Кирилл не хотел, чтобы брат возвращался в монастырь в Моравию, и перед кончиной якобы изрёк:

«Вот, брат, были мы с тобой как два вола в упряжи, пахали одну борозду, и я у леса падаю, свой день окончив. А ты хоть и очень любишь гору, но не моги ради горы оставить учительство своё, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?»

Мефодий пережил мудрого родственника на 16 лет. Пред-

чувствуя смерть, приказал отнести себя в церковь для чтения проповеди. Священник умер в Вербное воскресенье 4 апреля 885 года. Отпевали Мефодия на трёх языках – греческом, латинском и, конечно, славянском.

На посту Мефодия сменил ученик Горазд, и тут все начинания святых братьев стали рушиться. В Моравии постепенно снова запретили богослужебные переводы, на последователей и учеников открыли охоту – преследовали, продавали в рабство и даже убивали. Часть приверженцев убежала в страны по соседству. И всё же славянская культура выстояла, центр книжности переехал в Болгарию, а оттуда в Россию.

Святые первоапостольные учителя почитаются на Западе и Востоке. В России в память о подвиге братьев учреждён праздник – 24 мая отмечают День славянской письменности и культуры.

Одним из мастеров этого вида разведки и был **Даниель Дефо**, автор знаменитого «Робинзона Крузо» и множества других, полузабытых и малоизвестных у нас, сочинений.

Его предки, фламандцы, носившие фамилию Де Фо, иммигрировали из Фландрии в Англию в конце XVI столетия. Отец будущего писателя, Джеймс, был членом гильдии мясников и владельцем свечного заводика. Приставка «де» к его фамилии оказалась лишней, и семья носила фамилию просто Фо. Даниель вернул эту приставку лишь в тридцатипятилетнем возрасте.

Он родился в 1660 году в самом центре Лондона, Сити. Отец был протестантом-раскольниковиком, и Даниель не изменил этой вере. Ему пришлось претерпеть много довольно обоснованных обвинений в двуличии, лжи и переменчивости взглядов, но он повторял, что никогда не изменял своим истинным убеждениям. Однако, оставаясь формально раскольниковиком, фактически он спорил с ними и покинул их ряды. Это была сложная натура.

После смерти матери, истинной англичанки, шестнадцатилетний Даниель оказывается в пансионе, а затем в духовной академии. Его соучеником был некий Тимоти Крузо, впоследствии видный протестантский проповедник, фамилию которого писатель дал своему герою много лет спустя, когда в пятидесятидевятилетнем возрасте написал свою главную книгу.

Выйдя из академии, Дефо знал французский, испанский и итальянский языки (позже ознакомился и со «славянским, помесью польского и русского»), вооружился знанием философии, истории, географии и даже стенографии, но занялся, как и отец, торговлей.

Он посетил Францию, Италию, Испанию и Португалию, побывал в руках у пиратов. В конце концов прогорел, брался за много дел, в том числе и за разведение мускусных кошек (их выделения используются в парфюмерии), но снова разорился.

«Тринадцать раз становился богат и снова беден», – гово-

рил о себе Дефо. В конце концов он попал в вечное услужение сильным мира сего. Обычным состоянием для него стала подпольно-секретная жизнь и положение человека, неуважаемого в обществе. В одной из биографий он назван торговцем, памфлетистом и шпионом.

Одно время Дефо был приближённым голландского принца Вильгельма Оранского, ставшего английским королём Вильямом III. Он воспрял, восстановил своё состояние, приобрёл влиятельного патрона Роберта Гарлея, министра двора. Но король, упав с лошади, разбился и умер. Его место заняла королева Анна. К этому времени Дефо стал автором двух политических памфлетов, написанных столь парадоксально, что не сразу можно было понять, против кого и за кого он выступает – против протестантов-раскольников или за них. На Дефо обрушились и раскольники, и правочерные протестанты. Ему пришлось полгода скрываться.

В результате он был пойман и приговорён к позорному столбу. Казнь хоть и символическая, но опасная: голова и руки просунуты в колоды, прикрепленные к столбу, в несчастного кидают мусор, камни и нередко забивают до смерти. Три дня, 29, 30 и 31 июля 1703 года по несколько часов стоял Дефо на трёх лондонских площадях. Но он имел и сторонников, внимательно прочитавших памфлеты, к его ногам бросали цветы.

В это время и вмешался в дело лорд Гарлей. Он решил заполучить Дефо к себе в помощники. При его поддержке

Дефо получил не только королевское помилование, но и дотацию. Дефо был нанят на службу, в его обязанности входило продвижение в печать взглядов правительства независимо от того, каковы будут состав кабинета и его политическая линия.

В 1704 году стала выходить в свет собственная газета Дефо «Обозрение», которая просуществовала девять лет. Газета субсидировалась правительством, важную роль в котором играл лорд Гарлей. Формально он и Дефо принадлежали к разным лагерям. Лорд был «человеком Анны», то есть тори, консерватором. Дефо склонялся к вигам, либералам, представлявшим интересы буржуазии.

Дефо сохранял в своей газете относительную свободу. Он преподносил читателям то, что хотел лорд Гарлей, но так, как считал нужным он сам. Иногда казалось, что его высказывания не совпадают с интересами правительства, но это только на первый взгляд.

Осенью 1706 года Дефо получил от лорда Гарлея первое серьёзное задание. Он выехал в Эдинбург, столицу Шотландии, которая в то время была независимой страной. Дефо должен был разобраться в обстановке в стране и провести с помощью своей газеты те самые «активные мероприятия», о которых мы говорили вначале.

Всего с 1706 по 1714 год Дефо совершил семнадцать разведывательных поездок, что само по себе по тем временам, учитывая средства транспорта, состояние дорог и опасности,

подстерегавшие путника, было немало.

Вот как сам Дефо сформулировал своё первое задание (из его письма к Гарлею):

1. Быть в курсе всего, что предпринимается различными группировками против нашей унии, и стараться помешать их попыткам.

2. Беседуя со здешними жителями, а также с помощью других доступных способов склонять сознание людей в пользу единения.

3. Опровергать в печати всякие выступления, порочащие идею союза, самих англичан, английский двор во всём, что касается того же союза.

4. Устранять всевозможные подозрения и беспокойства у людей относительно каких-то тайных происков против шотландской церкви.

В другом письме Гарлею Дефо сообщал уже о том, как он выполняет своё задание.

«Хотя я ещё и не могу поручиться за успех, – пишет он из Шотландии, – но, надеюсь, самый образ моих действий не заставит вас пожалеть, что вы облекли меня своим доверием, послав меня сюда. Свои первые шаги я совершил вполне удачно в том отношении, что никто меня и не подозревает в каких-либо английских связях. С пресвитерианами и раскольниками, с католиками и беззаконниками общаюсь я, мне кажется, с неизмеримой осмотрительностью. Лыщу себя мыслью о том, что вы не станете осуждать моего поведения.

У меня есть верные люди во всяком кругу. И вообще с каждым я говорю на подобающем языке. С купцами советуюсь, не завести ли мне здесь торговлю, как строятся тут корабли и т. п. От юриста мне нужен совет по части приобретения крупной недвижимости и земельного участка, поскольку я, видите ли, намерен перевезти сюда мою семью и жить здесь (вот на какие средства, бог ведает!). Сегодня вхож я в сношения с одним членом парламента по части стекольной промышленности, а завтра с другим говорю о добыче соли. С бунтовщиками из Глазго я рыботорговец, с абердинцами – шерстянщик, что же касается жителей Перта или западных областей, то мой интерес для них – полотно, а по существу разговора речь всё-таки сводится к унии, и будь я не я, но чего-нибудь всё-таки добыюсь».

В Шотландии не всегда было безопасно – однажды толпа на улице чуть не прибила его только потому, что услышала английскую речь. Могло быть и хуже. Один из современников вспоминал: «Если бы только стало известно, что он шпионит, мы бы разорвали его на куски». Дефо временно перенёс в Эдинбург издание своего «Обозрения», и оно выходило там по два-три раза в неделю. В нём Дефо, как единственный автор, выступал во всех жанрах – печатал стихи, очерки, статьи о пользе унии. Дефо выступал то под своим именем, то как Александр Голдсмит, он же Андре Моретон, он же Клод Гийо.

Весной 1707 года миссия Даниеля Дефо блестяще завер-

шилась: парламент двух народов стал единым.

Министр Годольфин, подыскивая чиновников в таможенную службу Шотландии, предложил кандидатуру Дефо. Лорд Гарлей дал согласие, но самому Дефо посоветовал отказать от неё и по-прежнему быть его специальным осведомителем.

Вскоре после возвращения Дефо из Шотландии в Лондон произошли перемены. Лорд Гарлей ушёл в отставку, и его сменил Годольфин. Дефо с облегчением думал о том, что «служба короне», которая его тяготила, на этом закончится. Но не тут-то было. Гарлей сказал, что Дефо должен остаться на своём посту. Выхода не было: он оставался в долговой кабале у правительства.

Годольфин представил Дефо королеве. Присягнув ей на верность, он снова отправился в Шотландию, где ему приказали следить за сторонниками короля Якова Стюарта, якобитами. Он начал выполнять свою миссию, а в Лондоне вернулся к власти Гарлей. Он снова выручил Дефо из тюрьмы, в которую тот попал в третий раз в 1713 году за неуплату долгов. Это случилось уже в Лондоне.

На другой день после освобождения Дефо вновь орестовали, на этот раз по требованию российского посольства, на основании того, что в одной из статей он обозвал Петра I «сибирским медведем». Дефо вынужден был извиниться.

Дело было замято, но через неделю он вновь был арестован, да не по пустяку, а по обвинению в государственной из-

мене. Он опубликовал в своей газете памфлеты «А что, если королева умрёт?» и «Вдруг придёт претендент?» Они были расценены как подстрекательство к мятежу и попытка накликать смерть королевы Анны, которая действительно была больна.

Гарлей вновь заступился за Дефо. Но сам он в это время ждал кончины королевы и вёл двойную игру: как и все лица, близкие к трону, решал вопрос, на кого из возможных наследников делать ставку.

После смерти Анны и воцарения представителя Ганноверской династии Георга I (немца, не знавшего ни слова по-английски) самого Гарлея бросили в Тауэр. И Даниель Дефо отдал ему свой долг, описав деяния Гарлея в трёх томах. Они содержали серьёзнейшие материалы, почерпнутые из секретных источников, историю министерских интриг, благородную роль Гарлея.

В 1717 году правительству из разных источников (возможно, и от Дефо) стало известно, что якобиты замышляют новое восстание, нити которого тянулись в шведское посольство. Шведский король тотчас стал мишенью враждебных выпадов со стороны англичан.

Дефо предложил свой проект обуздания шведов, в том числе и их короля. За девять лет до этого, в 1708 году, Карл XII предал колесованию Ливонского дворянина Паткуля, агента Петра Великого. Дефо вспомнил об этом случае и с молниеносной быстротой написал памфлет, представляв-

ший собой якобы оригинальный перевод брошюры некоего пастора, будто бы присутствовавшего при последних часах жизни Паткуля и его казни. Он был полон выпадов против Карла XII.

Шведский посол граф Юлленбург потребовал, чтобы распоясавшийся критик его монарха понёс суровое наказание. Но английские власти так и «не смогли» обнаружить его. Ещё в 1713 году газета «Обозрение» закрылась, и с этого времени Дефо якобы только редактировал журнал «Торговец», а в действительности писал полемические статьи в двадцати шести газетах и журналах самых разных направлений.

Соответственно и его статьи носили противоречивый характер. В одной газете он излагал своё мнение, в другой нападал на него, в третьей издевался над автором второй статьи, в четвёртой... и т. д. Вот что он сам сообщал по этому поводу.

«Под видом переводчика иностранных новостей, – рассказывал Дефо заместителю нового государственного секретаря Сантерленду в письме от 26 апреля 1718 года, – я вошёл с санкции правительства в редакцию еженедельной газеты некоего господина Миста с тем, чтобы держать её под скрытым контролем, не давая ей возможности наносить какой-либо ущерб.

Ни сам Мист, ни кто-либо из его сотрудников не догадывался, каково моё истинное направление... Благодаря такому же контролю, проводимому мной, и еженедельный „Днев-

ник“ и „Дормерова почта“, а также „Политический Меркурий“, за вычетом отдельных промахов, считаясь печатными органами тори, на самом деле будут полностью обезврежены и лишены какой-либо возможности нанести ущерб правительству».

Однажды типография Миста подверглась набегу и обыску: искали оригинал опубликованного в газете антиправительственного письма, подписанного «Сэр Эндрю Политика». На допросе Мист присягнул, что письмо написано Даниелем Дефо. Но об этом письме знал лорд Сандерленд от самого Дефо, и дело было замято. Мист, по заступничеству Дефо, был выпущен из тюрьмы. В дальнейшем Дефо ещё дважды спасал Миста от ареста.

Всё же, узнав об истинной роли Дефо, Натаниел Мист бросился на него с оружием. Тот отбилсЯ и даже ранил Миста. Однако был опозорен и отторгнут от журналистики и политики. Это случилось в 1719 году. К счастью для читающего человечества. Потому что в эту зиму Дефо за два месяца создал своего «Робинзона Крузо». Успех был колоссальным, и Дефо приступил к следующему произведению. Один за другом у него выходят романы, в том числе знаменитые «Моль Фландерс» и «Роксана», а также «Беспристрастная история Петра Алексеевича».

Несколько лет Дефо мирно жил в своём богатом доме, иногда ссорился с соседями (в суде рассматривался «иск Дефо относительно убытка, нанесённого при попытке прелю-

бодения жеребца гнедой масти, принадлежащего означенному Де Фо, и бурой кобылки капитана Витта») и писал, писал...

Последние годы жизни писатель провёл если не в бедности, то в отчуждении. Желая избежать конфискации имущества за долги, он ушёл из дома, оставив всё детям.

Дефо умер 24 апреля 1731 года на семьдесят втором году жизни.

Среди его эпистолярного наследства уже в XX веке обнаружена неопубликованная и недатированная рукопись, имеющая прямое отношение к теме нашего рассказа и представляющая собою, вероятно, черновик письма на имя лорда Гарлея. В ней изложена схема организации в Англии секретной службы, благодаря которой королевские министры со всех концов страны могли бы получать надёжную информацию о том, как в данный момент различные города и графства относятся к правительству: у государственного секретаря должны быть списки всех дворянских и аристократических семей каждого графства; он должен иметь сведения относительно образа мыслей и нравственности служителей церкви и мировых судей в каждом приходе; у него должен быть список наиболее видных граждан каждого города и его окрестностей с тем, чтобы знать, за какую из партий готовы эти люди подать свой голос на выборах; он должен иметь таблицу, показывающую силу влияния каждой из партий в различных районах; наконец, государственный секретарь дол-

жен иметь постоянную осведомительную службу в Шотландии. Единственным способом получения такого рода сведений, по мысли Дефо, является сеть доверенных лиц, охватывающая все части Великобритании.

Отпрыск старинного дворянского рода граф Александр Иванович Чернышёв родился в 1786 году. Сын генерал-поручика Ивана Львовича Чернышёва и Евдокии Дмитриевны Ланской. Приходился родным племянником известному любимцу императрицы Екатерины II, флигель-адъютанту Александру Дмитриевичу Ланскому. Рано лишившись отца, Александр Иванович остался на попечении матери, причём, по обычаю того времени, ещё с колыбели был записан в военную службу и числился вахмистром в лейб-гвардии Конном полку, живя, однако, в Москве с матерью и не нося даже военной формы. Воспитателем его был известный в то время аббат Перрен.

Важным событием в жизни Чернышёва была коронация императора Александра I (1801 г.), когда впервые, на балу у князя А. Б. Куракина, государь узнал и отличил молодого Чернышёва. Ему было предложено звание камер-юнкера, от которого он, однако, отказался, предпочитая посвятить себя военной службе, вследствие чего 13 октября 1801 г. был пожалован в камер-пажи и поэтому принуждён был покинуть Москву и переселиться в Петербург. 20 сентября 1802 г. из камер-пажей Чернышёв был произведён в корнеты кавалерии.

лергардского полка и усердно отдался военной службе. С 20 июня 1804 года адъютант генерала Ф. П. Уварова. В 1805-м отличился в сражении при Вишау и Аустерлице.

В 1805 году Россия вступила в войну с наполеоновской Францией. В битвах при Аустерлице и Фридланде Чернышёв сражался геройски, заслужив золотую шпагу с надписью «За храбрость» и Георгиевский крест за сражения при Ланау, Акенсдорфе, Деппене, Вольфсдорфе, Гейльсберге. За отличия при Фридланде награждён 20 мая 1808 года орденом Св. Георгия 4-й степени.

После Тильзитского мира в 1808 году Александр I поручил молодому кавалергарду доставить в Париж письмо для Наполеона. Так Чернышёв впервые встретился с французским императором.

Ведя светскую беседу, Бонапарт стал рассуждать о недавней военной кампании и ошибках русских генералов. И вдруг молодой офицер стал горячо возражать императору. Дипломаты и придворные схватились за головы: неслыханное нарушение этикета! Но Наполеон лишь улыбнулся, а Чернышёва – одного из немногих, осмелившихся ему перечить – запомнил.

Все понимали: Тильзитский мир – лишь отсрочка, решающая схватка между Россией и Францией впереди. Информация о противнике нужна как воздух. И вот в 1810 году в русском посольстве в Париже появился новый «дипломат» – Александр Чернышёв. Он был одним из первых семи рус-

ских «военных агентов», направленных военным министром Барклаем-де-Толли в столицы европейских государств в качестве сотрудников «Особенной канцелярии» – специального органа российской военной разведки.

Во французской столице он жил на широкую ногу, денег не жалел, обрёл немало влиятельных друзей и заслужил репутацию неукротимого покорителя женских сердец.

Образ легкомысленного повесы и прожигателя жизни стал прекрасной маской умного и расчетливого разведчика. Ему удалось «разговорить» самого Наполеона: на приёмах и аудиенциях император часто общался с русским «дипломатом», невольно выдавая ему свои секреты.

Ещё более тёплыми их отношения стали после пожара на приёме в австрийском посольстве. Среди всеобщей паники хладнокровие сохранил лишь Чернышёв: он вынес из пылающего дома сестёр Наполеона – Каролину Мюрат и Полину Боргезе. О русском герое заговорил весь город, Чернышёва прозвали «царём Парижа». После великосветских приёмов и пирушек с офицерами Чернышёв переправлял в Петербург секретные сведения, полученные от чрезмерно откровенных собеседников. «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку», – написал Александр I на полях одного из докладов Чернышёва. Разведчик создал целую сеть информаторов – и каких! Он «курировал» чиновника французского военного министерства, регулярно составлявшего для Бонапарта сводки о дислока-

ции и действиях французской армии в Европе. Эту сверхсекретную информацию получали лишь Наполеон и... Чернышёв.

Одним из ценнейших агентов был князь Талейран, в конспиративной переписке с Петербургом Чернышёв именовал сиятельного шпиона «Анной Ивановной». Эта «дама» обошлась русской казне в кругленькую сумму, но информация Талейрана того стоила.

Игра с огнём не могла тянуться бесконечно: в феврале 1812 года французские контрразведчики нагрянули в квартиру Чернышёва и нашли «компромат». Но опытный «дипломат» был уже далеко. 13 февраля 1812 года Чернышёв покинул Париж.

«Его Величество чрезвычайно огорчён поведением графа Чернышёва», – выговаривал французский МИД русскому послу в Париже. Зная пылкий темперамент Наполеона, нетрудно представить, какими словами он выражал своё «чрезвычайное огорчение».

За заслуги Чернышёв получил генеральские эполеты.

Он сопровождал Александра I в Вильну. В августе 1812-го сопровождал Александра I на встречу с Ж. Бернадотом.

И снова в бой: Отечественная война, заграничный поход. В конце кампании командовал партизанским отрядом. Имел ряд успехов, в том числе освободил из плена «первого партизана» генерала Ф. Ф. Винцингероде. 22 ноября 1812 года произведён в генерал-майоры. 31 декабря разгромил при

Мариенвердере войска генерала Э. Богарне. В начале 1813-го действовал на левом берегу Одера. За отличия при взятии Берлина (1813) награждён орденом Св. Георгия 3-й степени. Отличился при взятии Люнебурга и Касселя. Возглавил кавалерийский рейд в Вестфалию. В конце 1813-го его отряд стал авангардом корпуса генерала Винцингероде. Отличился при штурме Суассона (где взял в плен более 3 тыс. чел., в том числе 180 офицеров и 3 генералов) и 20 февраля 1814 года произведён в генерал-лейтенанты. В 1814-м сопровождал императора Александра I на Венский конгресс.

В 1814 году генерал Чернышёв с победоносными русскими войсками вновь оказался в Париже. Александр I хотел было направить его для сопровождения Наполеона в ссылку на Эльбу, да передумал: «Бонапарту в несчастьи тяжело будет видеть того, кто был при нём во время величия». И кто так ловко обвёл его вокруг пальца.

В 1822–1823 годах сопровождал императора в Веронский конгресс.

Когда император Александр в Таганроге неожиданно скончался, Чернышёв был в числе немногих лиц, находившихся при его кончине. В тот же печальный день 19 ноября в 10 часов вечера был собран чрезвычайный комитет, которому предложено было составить государственный акт о смерти Александра I. Чернышёв был членом этого комитета и вместе с князем Волконским, бароном Дибичем, статс-секретарём Лонгиновым, духовником протоиереем Алексе-

ем Федотовым, лейб-медиками Виллие и Тарасовым подписал этот важный акт. Бальзамирование тела почившего императора происходило в присутствии комиссии, составленной под председательством Чернышёва.

25 ноября командирован во 2-ю армию для следствия по делу декабристов, привёл армию к присяге Николаю I. В январе 1826-го включён в состав Следственной комиссии по делу декабристов. 22 августа получил титул графа. С 6 декабря сенатор. С 3 февраля 1827 года товарищ управляющего Главным штабом.

В 46 лет Чернышёв стал военным министром. Но разведчики «бывшими» не бывают, поэтому генерал неизменно уделял особое внимание подготовке резидентов для работы за рубежом. Чернышёв занимал этот пост до 26 августа 1852 года. Одновременно с 11 апреля 1828 года член Государственного совета. 16 апреля 1841 года возведён в достоинство князя. С 1848 по 1856 год являлся председателем Государственного совета и Комитета министров – это была высшая должность в империи.

Скончался Александр Иванович Чернышёв 20 июня 1857 года в Кастелла-маре-де-Стабиа (Италия), где находился на лечении. В подмосковном городе Лыткарино, у здания бывшей усадьбы Чернышёвых, генералу установили памятник. Россия помнит о том, кто всю жизнь ей служил.

В конце XVIII – начале XIX века Средняя Азия была за-

ветной целью европейских исследователей. Но феодальные деспотии Бухары, Хивы и Коканда свято охраняли неприкосновенность своих границ от проникновения иноземцев-христиан. Многие из них поплатились за это жизнью. Именно поэтому история исследования Средней Азии хранит имена путешественников, проникших на эту территорию с научными целями, но скрывшие свои истинные намерения. Один из них – англичанин **Александр Бёрнс** – в 1831–1836 годах побывал в Афганистане и Средней Азии под видом армянского купца.

Сэр Александр Бёрнс родился 16 мая 1805 года в Монтрозе, Шотландия. Его отец Джеймс Бёрнс был дальним родственником классика шотландской поэзии Роберта Бёрнса.

Мальчик родился недоношенным. Может, поэтому с детства не любил спортивные забавы, а увлекался книгами. В тот период ореолом романтики было окружено далёкое британское владение – «Индийская жемчужина». Ходили фантастические слухи о несметных богатствах этого края. Александр тоже много читал об Индии.

В феврале 1821 года отец призвал Александра для серьёзного разговора.

– Сын мой, через три месяца тебе исполняется 16 лет. Пора вступать во взрослую жизнь. Мы, к сожалению, небогаты. Притом как шотландцу тебе будет трудно сделать карьеру в Англии. По счастью, покровитель нашей семьи эсквайр Джон Юм, являющийся членом британского парла-

мента, любезно согласился в очередной раз помочь нам. Благодаря его хлопотам тебя внесут в список юнкеров пехоты в Бомбее. Дальнейшее будет зависеть от тебя самого. Дерзай, мой мальчик!

Юноша охотно согласился с предложением отца. Вечером 14 марта того же года Александр прибыл в Лондон на рыболовном судёнышке. На следующее утро эсквайр Джон Юм привёз Александра в Индиа-хауз и представил мистеру Стенли Кларку, члену совета директоров Ост-Индской компании. Тот сообщил юноше, что он зачислен в списки юнкеров в Бомбее. Но до того, по достижении 16 лет, он должен принести присягу здесь, в Зале совета.

Пока же он будет заниматься под руководством профессора Джилхирста. Два месяца Александр штудировал различные документы, определявшие отношения между Ост-Индской компанией как частной организацией и правительством Великобритании. Профессор Джилхирст остался доволен успехами своего ученика. За два месяца Александр здорово продвинулся в изучении языков хинди и бенгали.

– Этот молодой человек далеко пойдёт, – сказал профессор мистеру Кларку.

В положенный срок Александр принял присягу и 7 июня отбыл в Бомбей. Плавание длилось больше четырёх месяцев, в Бомбей Бёрнс прибыл 21 октября.

Жизнь в Индии напоминала волшебную сказку. Здесь даже младшие офицеры имели до дюжины слуг, несколько ло-

шадей. Хижины свои обставляли с восточной пышностью. Но Бёрнс не поддавался искушению праздности. Он регулярно отсылал часть заработка родителям, а сам старался пополнять знания, глубже изучить нравы, обычаи, религиозные традиции, языки страны.

В скором времени он сдал экзамены на военного переводчика, а немногим позже был назначен адъютантом командира полка полковника Кемпбелла. В апреле 1825 года полк перебросили на север, в Кач, небольшое княжество, куда компания проникла ещё в 1821 году. Компания тогда оказала помощь местной знати в дворцовых разборках. На престол был возведён малолетний наследник. При нём был учреждён совет из пяти регентов, одним из которых стал британский резидент капитан Попинджер.

Именно он попросил помощи против враждебных англичанам эмиров Синда. Тогда и прибыл в Кач пехотный полк Бёрнса и полк кавалерии. Попинджер опытным глазом разглядел в Бёрнсе задатки разведчика. Через пару лет Бёрнс уже оказался в Бомбее в должности помощника генерала-квартирмейстера бомбейской армии.

В 1827 году новым губернатором Бомбейской провинции был назначен старый дипломат и разведчик Джон Малькольм. Он был инициатором многих закулисных интриг, направленных на упрочение британского владычества в Азии. Со временем сэр Джон обратил внимание на хорошо зарекомендовавшего себя Александра и однажды вечером при-

гласил его в свой кабинет. В итоге этой беседе Бёрнс получил перевод в политический департамент – важнейший отдел британской администрации, ведавший всей дипломатической и разведывательной деятельностью в сопредельных с Индией странах. Бёрнс был назначен помощником резидента в Каче, где в течение года брал уроки шпионского ремесла у капитана Попинджера.

В честь восшествия на британский престол короля Вильгельма Четвёртого контрольный совет и совет директоров Ост-Индской компании решили послать в дар правителю Пенджаба Ранджиту Сингху отборных скакунов. На самом деле это был лишь предлог для решения задач разведывательного характера. Надо было собрать сведения о прибрежных областях Инда, ситуация в которых была совершенно неизвестна англичанам.

Кроме того, нужно было прояснить обстановку вокруг самого Сингха и через его посредничество добиться согласия эмиров Синда на судоходство по Инду.

В первых числах января 1831 года Бёрнс отплыл из Бомбея, достиг устья Инда и вошёл в один из рукавов этой великой азиатской реки. Жители прибрежных деревень выказывали явную враждебность и забрасывали английские суда камнями. В такой обстановке Бёрнс и его спутники изучали местность, делали геофизические и магнитные съёмки, собирали образцы флоры и фауны.

18 июля 1831 года экспедиция прибыла в столицу Пен-

джаба Лахор. Бёрнса лично встретил магараджа Ранджит Сингх. Этот невысокий, рябой, кривой на один глаз человек имел славу хитрого, ловкого, неуступчивого политика. Его прозвище Лев Лахора говорило само за себя.

Магараджа охотно согласился посредничать между компанией и эмирами Синда, рассчитывая извлечь немалую выгоду из английской торговли по Инду. Более сложной была афганская проблема. Ранджит Сингх имел сильную армию, обученную наполеоновскими генералами, нашедшими приют в Пенджабе после краха Французской империи. Он занял своими войсками Пешаварскую область и присоединил к Пенджабу западное побережье Инда. Афганцам он оставил лишь город Пешавар.

Афганистан же в то время переживал период междоусобиц. Независимые эмиры и ханы Кабула, Пешавара, Кандагара, Герата, Кундуза, Балка не желали никому подчиняться. Самым влиятельным был кабульский эмир Дост Мухаммед-хан.

А в Пенджабе под крылышком у Ранджита жил на английскую пенсию свергнутый ещё в 1809 году афганский эмир Шуджа уль-Мулык. Он лелеял надежду вернуться на кабульский трон. А Ранджит умело разогревал замыслы «пенсионера».

Бёрнс сделал вывод, что целесообразнее сделать ставку на Дост Мухаммеда, чем иметь на престоле в Кабуле непопулярного в народе Шуджу. Но властительные лорды часто от-

носились к Бёрнсу снисходительно, видели в нём выскочку и авантюриста, подозрительно близко сошедшегося с туземцами. А потому не спешили его советам следовать. Выслушал генерал-губернатор Индии лорд Окленд советы Бёрнса по Афганистану и решил поступить равным счётом наоборот. Поддержать не набирающее силу племя Баракзаев и его динамичного лидера Доста Мохаммеда, а его злейших врагов – приходящую в упадок дурранийскую династию.

«Бёрнс Бухарский» пытался втолковать губернатору, что теперь пора сделать ставку на Баракзаев, тем более что точно известно – Дост Мохаммед не хочет связываться с Россией и предпочёл бы партнёрство с британцами. Но Лорд Окленд не оставил Досту выбора, буквально толкнув его в русские объятия. Баракзаи вынуждены были поставить на Петербург, который в результате этого решения значительно усилил своё влияние в стране. Британцев же в итоге ждало жестокое и позорное поражение в так называемой первой англо-афганской войне.

Губернатор Окленд под влиянием своих советников прислал Досту личное письмо, выдержанное в ультимативных тонах. А Бёрнс получил указание на словах передать эмиру жёсткие требования англичан. Для Бёрнса это было неприятным сюрпризом. В коридорах власти возобладала идея превращения Афганистана в протекторат Англии с помощью водворения на престол в Кабуле короля Шуджи.

Реакция Доста последовала незамедлительно. Он принял

со всеми знаками уважения российского посланника Ивана Виткевича. А Бёрнсу пришлось вернуться в Индию.

Ещё летом 1837 года персидский правитель Мохаммед-шах Каджар двинул свою армию на Герат, который считал своим владением, т. к. Герат входил в состав Персии во времена династии Сефевидов. Однако быстро взять город не удалось. Тогда шах весной 1838 года пригласил в помощь русских военных советников.

Летом в персидский лагерь прибыл Виткевич с отчётом о триумфе в Кабуле. Русский посол в Персии граф Симонич подготовил договор между шахом и кандагарскими эмирами о мире и союзе под гарантии русского правительства.

Это очень встревожило англичан. Посол Великобритании в Персии Макнил передал шаху ультиматум, требуя немедленного снятия осады Герата. Из Бомбея в Персидский залив двинулась британская флотилия. В важнейшем портовом городе Бендер-Бушир высадились десанты английской пехоты.

Персы сняли осаду. Император Николай I после грозной ноты Пальмерстона объявил действия Симонича и Виткевича самоуправством. Симонич вышел в отставку, а Виткевича отозвали в Петербург.

После этого всё было готово для вторжения в Афганистан. Военные действия начались в декабре 1838 года. В августе 1839 года англичане вошли в Кабул. Королём Афганистана был провозглашён Шуджи уль-Мулык. Он подписал договор, по которому вопросы внешних сношений Афганистана

с другими государствами отдавались на откуп британскому правительству.

Дост Мухаммед отступил в горы, собрал войско и нанёс англичанам несколько чувствительных поражений. Но потом он неожиданно сдался англичанам. Как утверждают, он боялся измены в своих рядах. Ему назначили пенсию и отправили в Индию под присмотр сикхов.

Английские офицеры размещались в афганских городах очень роскошно. У холостых офицеров в моду вошли гаремы. Утверждают, что восточные красавицы прельщались богатыми подарками и сами толпами перебегали к «инглизам». Одним из первых внушительным гаремом обзавёлся Бёрнс, чем пробудил ненависть оскорблённых им мужей.

Недовольство британским правлением зрело во всех слоях общества. Ведь Шуджи обложил население непосильными налогами. В Кабуле шла тайная подготовка к вооружённой борьбе против англичан. От своих агентов Бёрнс об этом знал, но не предавал большого значения этой тревожной информации.

Восстание началось 2 ноября 1841 года. Бёрнс снова пренебрёг предупреждением и не выставил охрану. Повстанцы ворвались в дом, круша всё подряд. В первых рядах будто бы находились ревнивые мужья. Они растерзали разведчика на куски. Были уничтожены все английские гарнизоны. Англичанам пришлось освободить Дост Мухаммеда. Проведя в изгнании около четырёх лет, он вернулся в Кабул и снова

правил до самой смерти в 1863 году.

В 1858 году Александр II возложил миссию возобновления дипломатических отношений с Афганистаном на Николая Ханикова. Но, наученный горьким опытом, к тому же осведомлённый о печальных для России итогах Крымской войны, Дост Мухаммед отклонил «дружеское предложение русского царя», даже не приняв его посланника.

Виткевич прибыл в Петербург в мае 1839 года и остановился в меблированных комнатах «Париж» на Малой Морской. Ему предстояла аудиенция, назначенная императором. Но накануне он посетил МИД и имел беседу с министром Нессельроде. Затем он вернулся в свой номер и крепко запер дверь изнутри.

Утром его нашли мёртвым. Перед тем, как застрелиться, он уничтожил все документы, касавшиеся его путешествия. Считается, что он так и не смирился с обвинением в самоуправстве. Однако, по другой версии, с офицером русской разведки расправились британские агенты.

Джон Уилкс Бут родился 10 мая 1838 года в городке Бел-Эр (штат Мэриленд). Отец, Джуниус Брутус Бут (1796–1852) в 1815 году дебютировал в Лондоне, играл в театрах «Ковент-Гарден» и «Друри-Лейн» (роль Яго с Э. Кином – Отелло); с 1821 года в США. Старший брат, Эдвин Томас Бут (1833–1893), также прославился исполнением шекспировских ролей, современники особо отмечали Гамлета, сыг-

ранного им подряд 100 раз.

Сам Джон Уилкс Бут, по семейной традиции, также был актёром шекспировского репертуара. В семнадцать лет дебютировал на театральной сцене и скоро стал одним из самых известных актёров своего времени. Сотрудничал с ричмондским театром Shakespearean company.

В годы гражданской войны Джон Уилкс Бут примкнул к южанам, хотя его старшие братья были сторонниками Севера, и стал сотрудником разведки Конфедерации. Он поставлял противникам правительства США оружие, продовольствие и медикаменты; но, главным образом, медикаменты.

В конце 1864 года, когда ход гражданской войны резко изменился в пользу северян, Бут решил похитить президента Линкольна, чтобы изменить военные действия в пользу южан. С этой целью Бут сколотил банду из своих сторонников. В неё вошли: шпион южан Джон Суррат, бывшие солдаты армии южан Льюис Пауэл и Сэм Арнольд, продавец продовольственного магазина Майкл О'Лафлин, рабочий сцены театра Форда Эдвард Спенджлер, лодочник с реки Потомак Джордж Этцерод и др., всего 8 человек. Несколько попыток похищения президента Линкольна, предпринятые бандой Бута, не удались. В отчаянии Бут решил убить Линкольна.

11 апреля 1865 года гражданская война в США закончилась победой северян. Вечером этого дня в Вашингтоне прошёл многочисленный митинг. Восторженная толпа подошла

к Белому дому. В речи, обращённой к собравшимся, Авраам Линкольн говорил о том, что после окончания войны негры должны получить право голоса. Бут и его сообщник Льюис Пауэл, стоявшие в толпе, пришли в ярость, услышав слова президента. Бут предложил Пауэлу тут же застрелить из револьвера Линкольна, но тот отказался, объяснив, что шансы на удачу невелики.

14 апреля 1865 года в вашингтонском театре Форда должен был состояться парадный спектакль с участием знаменитых актёров Лоры Кин и Гарри Хоука. Афиша оповещала, что пойдёт весёлая комедия «Наш американский кузен». Театр Форда помещался в небольшом и довольно угрюмом здании на одной из боковых улиц Вашингтона. Жена президента миссис Линкольн уговорила мужа пойти на этот спектакль.

О том, что президент США посетит театр Форда, каким-то образом узнал Джон Уилкс Бут. Штаб-квартира заговорщиков помещалась на улице Эйч в меблированных комнатах вдовы и матери Джона Саррета Мери Саррет. Эта меланхолическая сорокапятилетняя дама с тяжёлыми чертами лица была не только хозяйкой гостиницы, но и содержательницей явочной квартиры для агентов Юга. Впоследствии она стала первой женщиной, казнённой в США.

Бут предварительно посетил театр Форда, где тщательно осмотрел правительственную ложу, затем просверлил дырку в двери; замок в ней не действовал. Он заранее отогнул де-

ревянную планку для того, чтобы задвинуть её в ручку второй двери, ведущей в коридор. Через него надо было пройти, чтобы попасть в правительственную ложу. Теперь Бут мог рассчитывать, что никого не будет в коридоре, когда, всматриваясь через просверленную дырку, он станет дожидаться удобного мгновенья.

На состоявшемся совещании заговорщики решили одновременно убить президента Линкольна, вице-президента Эндрю Джонсона и госсекретаря Уильяма Сьюарда. Роли распределились следующим образом: Льюис Пауэл в сопровождении Дэвида Херольда должен был убить госсекретаря, сам Бут – президента Линкольна, Джордж Этцерот – вице-президента.

Предполагалось, что убийства будут совершаться одновременно, примерно в 22:15. В назначенный час Льюис Пауэл ворвался в дом госсекретаря Уильяма Сьюарда, ему было нанесено несколько ударов ножом, но он остался жив. Джордж Этцерот не оправдал надежд, в вечер запланированного покушения на вице-президента он потерял самообладание, напился и не смог совершить затеянного.

Дождавшись в театре Форда начала второго акта, Бут вошёл в правительственную ложу, где сидел Линкольн. По весьма странному стечению обстоятельств охраны президента не было на месте. Личный охранник Линкольна некто Паркер задолго до начала второго акта отправился пьянствовать в соседнюю пивную. В театре не было ни караула, ни

агентов разведки, ни полиции. Бут выстрелил в затылок Линкольна. Звук выстрела маленького медного пистолета был слабо слышен в зале, тем более что в этот момент грянул взрыв смеха.

Присутствовавшие сообразили, что в президента стреляли, только увидев облачко белого дыма. В этот момент на весь театр прозвучал душераздирающий крик миссис Линкольн: «Он застрелил президента!» В шуме представления майор Рэтбоун, находившийся в ложе, первый расслышал звук выстрела. За спиной у него раздался хриплый выкрик Бута: «Смерть тиранам!» (Он всё-таки был драматический актёр и многие пьесы Шекспира знал наизусть.) Майор Рэтбоун попытался схватить Бута, но тот вырвался, нанеся офицеру кинжалом глубокую рану в руку. Убийце удалось спрыгнуть вниз, на сцену. При падении Бут повредил ногу, но в лихорадке бегства не заметил этого. Майор Д. Стюарт, вашингтонский адвокат, первым сообразивший, что происходит, бросился за Бутом с криком «Стой!». Однако дверь со сцены, в которую скрылся Бут, оказалась закрытой. Бут знал все закоулки театра Форда как свой родной дом. Он выбежал в переулок позади здания, вскочил на лошадь и помчался к мосту через речку Анакостия.

В зале началось невероятное смятение, раздались отчаянные крики, женщины падали в обморок. Несколько человек попытались через сцену вскарабкаться в правительственную ложу, чтобы оказать помощь президенту, другие ринулись

преследовать убийцу.

В зал ворвались солдаты президентской охраны со штыками наперевес. Они очистили зрительский зал от публики. А тем временем в президентской ложе врачи, сразу определив смертельный характер ранения, дали согласие перенести находящегося без сознания Линкольна через улицу в гостиницу Петерсона – до Белого дома было слишком далеко. На улице кавалерия с трудом оттеснила возбуждённую толпу, расчищая проход, через который пронесли умирающего Линкольна.

«Национальная исполнительная полиция» – контрразведка, возглавлявшаяся Лафайетом Бейкером, который подчинялся военному министру Стентону, и другие органы, ответственные за охрану президента, ничего не сделали для предотвращения покушения. Ведь достаточно было присутствия нескольких детективов или полицейских, чтобы надёжно преградить путь Буту.

Убийство Линкольна вызвало смятение в правительственных сферах. Вице-президент Эндрю Джонсон – второе после президента лицо в государстве – самоустранился от руководства действиями властей в ночь с 14 на 15 апреля. Следующий по рангу – госсекретарь Уильям Сьюард лежал тяжело (как полагали, смертельно) раненный. Фактическим главой исполнительной власти в эти часы и дни оказался военный министр Эдвард Стентон.

К 18 апреля были уже арестованы многие заговорщики,

в частности: Мэри Саррет, Майкл О'Лафлин, Сэм Арнольд, Льюис Пауэл, Джордж Этцеродт.

Бут и Дэвид Геролд находились ещё на свободе. Получив приют и медицинскую помощь в доме доктора Мадда, Бут продолжал своё бегство. Несколько дней он скрывался на ферме полковника С. Кокса. С помощью встреченных по дороге офицеров южной армии, которые были недавно выпущены из плена, убийца и его подручный нашли убежище на ферме Гаррета, ярого сторонника Юга. Наконец, начальнику контрразведки Лафайету Бейкеру и его людям удалось напасть на след Бута.

Убийцы Линкольна и Геролд были настигнуты в ночь с 25 на 26 апреля на ферме Гаррета. Беглецы спрятались в амбаре. Это был сарай, запёртый на висячий замок. Амбар был окружён отрядом солдат под командованием лейтенанта Эдварда Догерти и разведчиками, возглавляемыми подполковником Эвертоном Конджером и лейтенантом Лютером Бейкером, двоюродным братом шефа секретной службы.

Бут отказался сдаться, но Дэвид Геролд поспешил выбраться из амбара и был немедленно схвачен преследователями. Актёр всё ещё продолжал упорствовать, и сарай подожгли. Неожиданно раздался выстрел, и Бут был смертельно ранен. Солдаты взломали дверь и вынесли его из горящего строения. Последние слова, сказанные Джоном Уилксом Буттом, были: «Передайте моей матери, что я умер, сражаясь за свою страну».

Новый президент США Эндрю Джонсон назначил членами военного трибунала девять заслуженных офицеров. В качестве прокурора выступал генерал Джозеф Холт, главный судья в армии (руководитель юридического отдела военного министра).

9 мая 1865 года в старом здании тюрьмы Арсенала в Вашингтоне начал свою работу военный трибунал. Перед трибуналом предстали восемь человек из банды Бута. Они обвинялись в том, что в сообществе с главарём конфедератов Джефферсоном Девисом, Джоном Уилксом Бутом и рядом других лиц (шпионов южан, спрятавшихся в Канаде) они были причастны к убийству Авраама Линкольна, к покушению на государственного секретаря Уильяма Сьюарда и к планам покушения на вице-президента Эндрю Джонсона и командующего армией Соединённых Штатов генерала Улиса Гранта. 30 июня 1865 года военный трибунал вынес приговор.

Все подсудимые были признаны виновными. Эдварда Спенджлера приговорили к шести годам тюрьмы, Майкла О'Лафлина, доктора Мадда, Сэма Арнолда – к пожизненному заключению, Льюис Пауэл, Джордж Этцеродт, Дэвид Геролд и Мери Саррет были приговорены к смерти через повешение. Попытки добиться смягчения участи Мэри Саррет окончились неудачей. 7 июля 1865 года во дворе федеральной тюрьмы Этцеродт, Геролд, Пауэл и Саррет были казнены. А четверо других подсудимых были переведены в тюрьму, находящуюся на Драй Тортугас – выжженном солнцем

островке в 100 милях от побережья Флориды.

Так случилось, что незадолго до трагедии в театре Форда в Вашингтоне, брат Джона Уилкса Бута Эдвин спас от смерти сына Авраама Линкольна Роберта. Роберт Линкольн чуть не попал под поезд на железнодорожной платформе в городе Джерси-Сити, штат Нью-Джерси.

Как вспоминал об этом инциденте в 1909 году Роберт Линкольн: «Инцидент произошёл в то время, когда, поздно вечером, группа пассажиров покупала билеты на поезд у кондуктора, который стоял на платформе у входа в вагон. Платформа была выше уровня входа в вагон, и, конечно же, между платформой и вагоном был небольшой промежуток. Толпа прибывала, и на меня стали давить. В это же время поезд тронулся, меня сбили с ног, и я стал падать с платформы ногами вниз в открытый промежуток, совершенно не в силах как-либо себе помочь; в это время меня резко схватили за воротничок пальто и вытянули на безопасную поверхность платформы. Обернувшись, чтобы поблагодарить своего спасителя, я увидел Эдвина Бута, чьё лицо, разумеется, было мне хорошо знакомо, и выразил ему благодарность, назвав при этом его по имени».

После убийства Джоном Бутом президента Линкольна общественное мнение в США было настроено против всей семьи Бутов, что вынудило брата Эдвина покинуть сцену на много месяцев (он тоже был актёром). Эдвин, имевший неприязненные отношения с Джоном, отрёкся от него, за-

претив произносить его имя в своём доме. Руководимый Эдвином в 1869–1874 годах театр был своеобразной школой актёрского мастерства; гастролировал в Европе. В 1913 году на Бродвее был открыт «Театр Бута».

Будущий великий сыщик **Алан Пинкертон** родился 25 августа 1819 года в шотландском городе Глазго – в семье полицейского сержанта Уильяма Пинкертона. Алан не сразу пошёл по стопам отца и поначалу выбрал для себя профессию бондаря. В этот период жизни он увлёкся идеями чартизма (политического движения, получившего название от поданной в 1839 году английскому парламенту хартии – петиции с требованиями общего и равного избирательного права).

Политическая деятельность Алана Пинкертона привлекла внимание властей, в 1842 году полиция выписала ордер на его арест. Друзья вовремя предупредили молодого человека – и он, взяв с собой жену, срочно эмигрировал в Северную Америку.

Конечной целью маршрута была Канада, но всё получилось иначе. Корабль потерпел крушение, путешественникам пришлось спасаться на шлюпках. Чету Пинкертон вместе с некоторыми другими пассажирами подобрал пароход, идущий в США.

Алан с супругой поселились в городе Данди недалеко от Чикаго, где молодой шотландец открыл бондарную лавку.

Дела пошли неплохо, и семья за несколько лет увеличилась за счёт рождения троих сыновей.

Переменам в жизни способствовал случай. В 1846 году в городке начала действовать банда фальшивомонетчиков, от которой пострадал и сам Алан. Древесину для бочек Пинкертон привозил с небольшого пустынного острова на расположенном рядом озере Мичиган. Приехав туда однажды, бондарь обнаружил недавно погашенный костёр и решил узнать, что за люди поселились вдали от городской цивилизации. Три дня Алан следил за островом – и оказалось, что его облюбовали упомянутые фальшивомонетки. Пинкертон привёл сюда шерифа и помог ему задержать преступников.

Алан сразу стал местной знаменитостью, а шериф предложил ему место своего помощника. Эта работа была интереснее труда бондаря, да и оплачивалась гораздо выше. В том же году Пинкертона избрали шерифом. На новом посту Алан Пинкертон раскрыл несколько громких дел – в частности, под видом мошенника втёрся в доверие к главарю одной из банд Джону Крейгу и организовал его задержание с поличным.

Успешные действия по борьбе с преступниками способствовали тому, что Пинкертона в качестве специального агента начали нанимать государственные ведомства США – министерство финансов и почтовая служба. Алан с семьёй переехал в Чикаго и стал первым в истории города офици-

альным полицейским детективом (именно такую должность придумали специально для него). Но в полиции он работал недолго. Зависть коллег и глупость начальства определили его дальнейшую цель – создать собственную детективную службу.

В 1850 году Алан вместе с адвокатом из Чикаго Эдвардом Рукером открыл частное сыскное агентство. Партнёры в том же году рассорились, и бывший бондарь стал контролировать организацию единолично, назвав её «Национальным детективным агентством Пинкертона» (The Pinkerton National Detective Agency). Эмблемой фирмы было изображение открытого глаза, а девизом – слова «Мы никогда не спим». Первоначально в штате числились 11 человек, включая самого Пинкертона, агентство занималось преступлениями на железной дороге и поимкой фальшивомонетчиков.

В США середины XIX века услуги по охране имущества и расследованию преступлений оказывали многие частные лица – в том числе и сами бандиты. Силы полиции были очень малочисленны (например, на весь Чикаго приходилось 12 сотрудников). Поэтому банковским, почтовым или железнодорожным компаниям приходилось прибегать к помощи вооружённых людей со стороны.

Но детективное агентство Пинкертона обладало рядом преимуществ. Его служащие никогда не грабили своих клиентов (что отличало многих других «охранников», которые, по сути, занимались рэкетом). Агенты Пинкертона были го-

товы работать в любом месте и штате – в отличие от шерифов, полномочия которых ограничивались территорией их округов. В 1866 году именно в агентстве Алана для поимки преступников были впервые использованы их фотографии. Внедрённый в шайку сотрудник убедил бандитов сфотографироваться на память – и копии снимков были разосланы по всем отделениям агентства.

Алан Пинкертон тщательно подбирал сотрудников и строил работу на профессиональной основе: все действия документировались, а преступления отражались в специальной картотеке, которая к 1870 году стала самой большой в мире.

Пинкертон стал первым, кто начал принимать на работу женщин-детективов, которые могли собирать информацию через жён или подруг подозреваемых.

В 1861 году к Алану Пинкертону обратился президент железнодорожной компании, осуществляющей перевозки по маршруту Филадельфия – Балтимор. В США начиналась гражданская война между Югом и северными штатами, поддерживающими законного президента Авраама Линкольна. Пинкертону и его агентству поручили охрану американского президента во время его поездки из Филадельфии в Вашингтон через Балтимор.

Пинкертон внедрил в ряды мятежников нескольких своих агентов. Те выяснили, что южане готовят покушение на Линкольна. В частности, заговорщики провели жеребьёвку – кто именно убьёт президента. Примерно 30 желающих вы-

нимали шары из ящика. Убийство должен было совершить тот, кто получит красный шар, – причём шары вынимались так, чтобы никто не видел, какой именно, белый или красный, достался тому или иному человеку. Разведчики Пинкертон донесли: в ящик положили не один, а целых восемь красных шаров. Таким образом, сразу восемь мятежников готовились совершить покушение, не зная о том, что есть и другие исполнители.

Убийство Линкольна должно было произойти во время его проезда через Балтимор. Заговорщики рассчитывали, что президент выйдет на перрон, там вокруг него соберётся толпа – и кто-то из мятежников выстрелит или нанесёт удар кинжалом, а затем скроется.

Пинкертон добился встречи с Линкольном и настоял на том, чтобы его поезд проехал Балтимор не утром, как планировалось, а ночью и без остановки. В Филадельфии, откуда ехал президент, были предприняты необходимые меры предосторожности: Линкольн добирался до своего поезда, изображая инвалида, которого сопровождает медсестра (её роль играла женщина-агент из команды Пинкертон). После этой поездки президент назначил Алана начальником личной охраны. Но уже в 1862 году завистники распустили слухи, что никакого покушения не планировалось и Пинкертон выдумал его, чтобы приблизиться к первому лицу государства. Линкольн поверил этой версии и перевёл Пинкертон и его агентов на другой участок работы.

Алан возглавил специально организованную Федеральную секретную службу, занимавшуюся выявлением шпионов южан. Одной из самых удачных операций стало разоблачение миссис Розы Гринхау – богатой вдовы, салон которой был превращён в штаб-квартиру заговорщиков. Вдову арестовали, но через некоторое время президент Линкольн распорядился выпустить на свободу всех женщин, воевавших на стороне южан. По его мнению, такие действия должны были привлечь к нему новых сторонников.

Вдова Гринхау, выйдя на свободу, опознала разоблачивших её агентов Пинкертона, после чего их убили. В ответ Алан объявил, что больше не желает работать с политиками, и вернулся к частной практике.

В 1865 году президент Линкольн был смертельно ранен в одном из театров Вашингтона – и газеты, которые ранее обвиняли Алана во лжи, теперь дружно сообщили, что, если бы Линкольна охраняли агенты Пинкертона, он бы остался жив.

После гражданской войны сотрудники агентства Пинкертона в основном работали на Диком Западе, куда потянулась волна переселенцев. Здесь действовали законы силы, а грабежи и убийства были обыденным явлением.

Агенты внедрялись в банды с целью поимки их главарей, охраняли банки и железнодорожные составы (в частности, им удалось раскрыть дерзкое ограбление поезда, когда налётчики похитили невероятную для того времени сумму в

700 тысяч долларов).

При этом методы работы «пинков» мало чем отличались от действий бандитов. Например, в 1875 году, борясь с бандой Джесси Джеймса, агенты бросили в его дом бомбу. Преступника в этот момент там не было, погиб его восьмилетний брат, а матери Джеймса оторвало руку. В ответ главарь банды объявил Пинкертона врагом номер один и несколько лет охотился за ним. Он не хотел стрелять скрытно и ждал момента, когда между ним и Аланом состоится честный поединок. Но агенты Пинкертона убили Джеймса раньше – и именно из засады.

Сотрудники агентства принимали активное участие в подавлении забастовок на фабриках и железных дорогах, не гнушаясь убийствами организаторов.

Гроза преступников Алан Пинкертон умер не от ножа или пули. Его смерть была нелепой – в 1884 году он споткнулся на улице и прикусил язык, отчего началась гангрена.

Агентство, которое тогда насчитывало 50 отделений и 15 тысяч служащих в разных городах, возглавили сыновья Алана, потом его внук и правнук. Последний умер в 1967 году, не оставив наследника. После этого организация переходила из рук в руки, но фамилия создателя всегда оставалась в её названии – ведь она неразрывно связана с высочайшей репутацией фирмы.

В 1999 году агентство Pinkerton Consulting & Investigations было куплено шведской компанией Securftas AB за 384 мил-

лиона долларов. В настоящее время оно имеет 250 отделений и почти 50 тысяч сотрудников.

Олег Иванович Пантюхов родился в марте 1882 года в Киеве. Отец – военный врач и антрополог, мать, урождённая баронесса фон Кнорринг, домохозяйка. Дворяне средней руки с прекрасным образованием, скромным достатком, хорошей репутацией и большой семьёй. У Олега было четыре старших брата. Жили дружно, весело и интеллигентно.

Иван Иванович Пантюхов наряду с образованием, позволявшим ему размышлять о жизни отстранённо, посвящал себя общественно полезному служению и поступки поверял по Моисеевым скрижалям. Так и сыновей воспитывал, не противопоставляя знание и веру. Может быть, ещё и потому, что в семье крайне серьёзно относились к преданию, связанному с прадедом Олега – Густавом фон Кноррингом.

Этот шведский лютеранин служил офицером в лейб-Московских драгунах. Женился на православной, но рождавшихся детей крестил, понятно, в веру своих предков. Дети в семье рождались и... умирали в младенчестве. Когда появился на свет ещё один сын, Николай, супруга умолила Густава Адольфовича крестить ребёнка по православному канону. И тот остался жить.

Служба заставляла семью Пантюховых переехать из Киева в Одессу, оттуда – в Петербург, из столицы – в Тифлис. Привычка к лёгкости в перемене мест возникла в детях есте-

ственным образом, что наряду с хорошим домашним воспитанием и религиозностью составило ту основу, которая привела потом Олега Ивановича к главному делу жизни.

Первые походы он совершил, когда ему не было и 10 лет. А разменявши второй десяток лет, мальчик оказался в кадетском корпусе на казённом коште. Там же, в Тифлисе.

Пантюхов-младший оказался прирождённым лидером. Когда жизнь в корпусе вошла в нормальную колею, выяснилось, что другие кадеты охотно признают вожаком умеющего постоять за себя, но при этом отменно знающего поэзию и природу, романтического, заводного Олега. Когда он предложил создать в корпусе «Пушкинский кружок», товарищи откликнулись с охотой.

Меньше всего этот кружок походил на формальные посиделки в актовом зале с монотонным чтением стихов Александра Сергеевича. Хотя и стихи читали вовсю. Но не в зале – в походах по прекрасным и суровым окрестностям Тифлиса. Интуитивно Олег Пантюхов предложил «однокорытникам» программу, которая во многом дублировала предложения, спустя десяток лет изложенные в книге «Юный разведчик» (такое название использовано в русском переводе) британским офицером, героем Англо-бурской войны Баден-Пауэллом.

Завершалась учёба в Тифлисском кадетском корпусе. «Пушкинский кружок» отметил его 70-вёрстным походом по маршруту Сурам – Кутаис – Боржом. В ущельях и на гор-

ных тропах оказалось непросто. Но отряд Олега Пантюхова с задачей справился, а его выпускной, седьмой класс получил название «Пушкинский». Дело-то было в 1899 году, Россия отмечала 100-летие великого поэта.

Теперь предстояла военная стезя. В 1901 году Пантюхов оканчивает Павловское военное училище в Петербурге и выходит офицером в лейб-гвардии 1-й Стрелковый Его Величества батальон. Часть квартирует в Царском Селе. В 1908 году молодой офицер женится на Нине Добровольской и в том же году знакомится со статьёй известного публициста Михаила Меншикова о книге *Scouting for boys*, написанной Баден-Пауэллом. Ассоциации возникли мгновенно: вспомнились походы и костры времён Тифлисского кадетского корпуса, разговоры о чести, вере, совести, России, клятвы верности...

На следующий год мысль развить в России идеи, опубликованные британцем, окрепла окончательно. 30 апреля 1909 года штабс-капитан Пантюхов проводит первый предметный разговор с царскосельскими мальчишками прямо на улице. Настроение было приподнятое, в день батальонного праздника казалось, что всё получится.

В России сформировался первый скаутский отряд – «Бобёр». Сохранились фамилии первых шести «бобров»: Боровков, Иванов, Ильин, Кирилин, Малафеев, Перминов... Через несколько месяцев Пантюхов встретился в Петербурге с отцом-основателем мирового скаутского движения Ба-

ден-Пауэллом, известным среди скаутов всех поколений как Би-Пи. Британец, кстати, оказался в России не просто так: его пригласил император Николай II. Государь, как и гвардейский офицер Пантюхов, рассмотрел в идеях Би-Пи большую воспитательную перспективу.

Британец отбыл, а Пантюхов, в составе полка охранявший резиденцию императора в Царском Селе, предложил Николаю II готовую программу действий. И получил одобрение. Власть, государь в том числе, искала новые формы воспитания молодёжи и детей – сказались болезненные события 1905–1907 годов.

После нескольких командировок Олега Ивановича в Европу, где его познакомили с работой скаутских отрядов Англии и Дании, офицер зарегистрировал в России устав Всероссийского общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут». Справедливости ради надо сказать, что создать организацию национального масштаба – «Всероссийский союз юных разведчиков» – правительство не разрешило. Самого Пантюхова с этого момента стали вполне официально называть Старшим скаутом. Олег Иванович не мыслил себя учителем-ментором, он чувствовал себя именно старшим товарищем, Старшим разведчиком. И вёл себя соответственно. Много позже, когда Пантюхов был уже в весьма преклонном возрасте, знавшие его отмечали, что этот дух здорового мальчишества, это ощущение товарищества, братства, рыцарства присутствовало в пожилом и прожившем

непростую жизнь русском полковнике.

В 1915 году появились отряды девочек-разведчиц – гёрлскаутов. Большую работу в «женском филиале» вела жена Олега Ивановича – Нина Михайловна. К слову, супруга собственноручно сшила скаутам первый флаг и начертила первую эмблему, которую до сих пор называют «Мальчик под деревом». Легенда гласит, что прообразом этого мальчика послужил наследник русского престола царевич Алексей, обладатель жетона «Августейший скаут», вручённого ему Пантюховым.

К февралю 1917 года в 140 городах страны насчитывалось более 50 тысяч скаутов. Но сам Пантюхов имел к этому уже весьма опосредованное отношение. Кадровый офицер начал войну с первых дней мобилизации гвардейского корпуса. На Первой мировой полковник Пантюхов получил и ордена, и контузии. В 1915 году стал георгиевским кавалером за бой с немцами под местечком Майшагола под Вильно. После второй контузии в октябре 1916 года отправился на длительное лечение. Выздоровев, стал командиром школы прапорщиков военного времени. Шёл август 1917-го...

Во время Гражданской войны скауты, как и всё русское общество, раскололись. Но на территориях, контролировавшихся Добровольческой армией Деникина, белые скауты попробовали объединиться. Их руководители даже получали жалованье от правительства Юга России. На Съезде скаутских деятелей весной 1919 года в столице Белого Дона Ново-

черкасские Олега Ивановича избрали единогласно Старшим русским скаутом.

Состояние здоровья и обстоятельства вынудили Пантюхова в 1920 году эмигрировать. Ему повезло – удалось уехать вместе с семьёй. Неподалёку от Константинополя, на Принцевых островах, полковник сделал невозможное: организовал скаутский отряд в эмиграции. Вскоре помогло знакомство с мировым лидером скаутства – Би-Пи. Организацию русских скаутов приняли во Всемирную скаутскую организацию.

Пантюхов 32 года прожил в США, а в 1954-м перебрался во Францию. Ушёл из жизни в 1973 году, похоронен в Ницце. Незадолго до смерти Олег Иванович написал обращение, которое вполне можно назвать духовным завещанием. Оно короткое: «Помнить Россию... Учиться, трудиться и жить так, чтобы высоко держалось русское имя наших предков и наше Георгиевское знамя. Сторонитесь всяческих разладов. Будьте один за всех и все за одного. Опора вам – Русская православная церковь... Будь готов! За Россию!»

В 1922 году организации русских скаутов в Советской России разгромили окончательно. Многие лидеры были арестованы и оказались на Соловках – в первом советском спецлагере. Начиналось время пионеров, унаследовавших от русских скаутов почти всё, вплоть до девиза «Будь готов!». Кроме одного – идеологии. Пионеры любили пионерские костюмы, даже не ведая, что это – скаутская традиция. И походы

любили, и спорт, кружки всяческие, и поднятие флага на линейках. Вот только «Старшие пионеры» не рассказывали им, что придумал всё это Старший русский скаут и офицер Русской армии Олег Пантюхов.

Аркадий Кошко родился в 1867 году в поместье его родителей под Минском. С детства он активно занимался спортом, зачитывался детективными историями, благо книг в поместье было великое множество. Кумиром юного Аркадия был литературный предшественник Шерлока Холмса, хитроумный сыщик Лекок, главный герой детективных романов французского писателя Эмиля Габорио.

Благодаря невероятной проницательности и логическому мышлению, месье Лекок с лёгкостью раскрывал запутанные преступления, искусно гримировался, переодевался в лохмотья, не гнушаясь в поисках улик общаться с самыми низшими слоями общества. Этот метод расследования позже блестяще использовал Конан Дойль, описывая похождения Шерлока Холмса.

Зачитываясь рассказами о проницательном и ловком сыщике Лекоке, маленький Аркадий воображал себя на его месте. Но родители мечтали совсем о другой карьере для сына. Поначалу он выбрал компромиссный вариант: поступил в Казанское пехотное юнкерское училище, по окончании которого получил назначение в пехотный полк, расквартированный в Симбирске.

Несколько лет молодой офицер стоически переносил тяготы однообразия воинской службы, бесконечные марши на плацу, занятия в классах, но душа его требовала другого. В 27 лет он подал прошение об отставке и в 1894 году уехал с семьёй в Ригу, поступив на службу в городскую полицию рядовым инспектором по уголовным делам. Родители, многочисленные тётушки и дядюшки были в ужасе от его решения, но юноша оказался непреклонен.

Исполнилась его давняя мечта: Аркадий Кошко с небывалым азартом занялся разоблачением и поимкой преступников. А уж они, естественно, не оставляли его без работы...

Переодевшись в поношенную одежду, начинающий сыщик бесстрашно бродил по рынкам, рижским притонам и кабакам, прислушивался к пьяным разговорам завсегдатаев, заводил нужные знакомства, вербовал агентов, добывал информацию, создавая и пополняя свою картотеку преступников.

В первые же месяцы его службы в Риге произошло несколько жестоких убийств. На пустыре за Христорождественским храмом обнаружили обезображенное тело 17-летнего гимназиста, зверски убитого и ограбленного неизвестными. На теле юноши было множество ножевых ранений, выбит глаз, переломаны рёбра, на шее кровоподтёки. А во рту убитого нашли кусочек фаланги мизинца, что свидетельствовало об отчаянном сопротивлении жертвы...

За расследование взялся Аркадий Кошко. Через три дня

– новый труп, в котором был опознан известный вор-рецидивист по прозвищу Грешный Затылок. Во рту убитого оказалась записка: «Собаке собачья смерть!» Затем в пригороде Риги произошли ещё два убийства с ограблениями – извозчика и дворника. В городе началась паника, на ноги была поднята вся полиция. Да, конечно, фрагмент откушенного пальца одного из преступников мог бы вывести на след убийц, но дактилоскопия в те годы в Риге ещё не применялась, хотя эта улика всё же потом сыграла свою роль.

Сначала сыщик вышел на скупщицу краденого, когда она пыталась сбыть серебряный портсигар, принадлежавший убитому гимназисту. Некая Наталья Шурман оказалась подругой убитого рецидивиста, которого устранили свои же бандиты, чтобы не сболтнул лишнего. Женщина и сама опасалась расправы, поэтому выдала полиции имя главаря шайки и других бандитов, в том числе того самого неудачника с откушенным мизинцем. По этой примете его нашли и арестовали.

Главарь банды отсиживался на хуторе у родителей. На его задержание Кошко отправился лично, переодевшись в скупщика овечьей шерсти. Напросился на ночлег к хозяевам хутора. Ночью проследил за хозяйской дочкой, которая понесла корзинку с едой в ближнюю рощу, где оставила её под старым дубом. Через некоторое время корзина исчезла. Сыщик догадался, что разбойник прятался на дереве. На следующий день вместе с группой вооружённых урядников главаря бан-

ды сняли с дуба, в ветвях которого он устроил себе настоящее логово...

Активность находчивого инспектора была замечена высоким начальством, его не раз награждали и продвигали по службе. Кривая преступности в городе пошла вниз, и в 1900 году Аркадию Кошко предложили занять пост начальника Рижской сыскной полиции. Это назначение он принял не без робости. Ведь Рига и тогда была крупным центром с весьма пёстрым населением, особенно преобладали латыши и немцы, а, следовательно, в борьбе с преступностью приходилось учитывать и их психологию, весьма своеобразную и мало схожую с русской.

Новый начальник сыска завоевал уважение не только среди подчинённых, он умел найти подход практически к любому человеку, даже закоренелые преступники проникались к нему доверием, раскрывая ему свои секреты. Аркадий Кошко не оставлял без внимания ни одну деталь, никогда не пренебрегал мелочами. Именно в этом и был секрет феноменального успеха русского сыщика.

Он всегда выслушивал жалобы простых людей, не считая это зазорным, помогал обманутым наивным провинциалкам, возвращал бабушкам украденное серебро, похищенное нерадивыми отпрысками, разыскивал женихов-аферистов, сбежавших с добром невесты, и т. п. По срочным делам Аркадий Кошко принимал людей круглосуточно, о чём свидетельствовала табличка на дверях его служебного кабинета.

Даже являясь начальником розыска, Аркадий Кошко всегда сам принимал участие в задержании опасных бандитов, с азартом заядлого охотника часами мог сидеть в засаде, выслеживая преступника. В те годы под его руководством и при непосредственном участии в Риге было раскрыто несколько громких уголовных дел. Так, с блеском была изобличена группа рижских «алхимиков», которые под видом рассыпного золота продавали доверчивым немецким богачам медные опилки. В 1905 году Аркадию Кошко удалось уличить и задержать неуловимого короля шулеров, бывшего армейского кавалериста, некоего Ракова, который под видом испанского гранда с помощью краплёных карт «обул» немало почтенных рижан.

Однажды, по личной просьбе лифляндского губернатора М. А. Пашкова, он расследовал серию поджогов в соседнем уезде. Пожары сопровождались кражами и человеческими жертвами. Напуганные местные жители явно что-то знали, но чужакам ничего не рассказывали. Тогда начальник Рижской сыскной полиции направил туда двух своих тайных агентов, которые под видом обычных торговцев пивом открыли в уезде небольшую забегаловку, рассчитывая, что так у людей быстрее языки развяжутся.

Но местная публика на это дело не клюнула, предпочитая прежние пивные. Чем завлечь народ? Аркадий Францевич предложил по примеру немцев подавать к пиву солёную сушку. Этот ход оказался весьма удачным, уже через неделю

агенты едва справлялись с наплывом посетителей. Под пиво, да ещё с бесплатной сушкой, посетители быстро забывали об осторожности... Вскоре среди публики люди Кошко вычислили поджигателей, ими оказались местный кузнец, два сына церковного сторожа и... брендмейстер собственной персоной! В домах арестованных нашли большие запасы керосина, пороховые шнуры и часть награбленного. Вся банда была задержана и отправлена на каторгу.

В рижской практике «русского Шерлока Холмса», как называли Аркадия Кошко, было немало курьёзов и смешных случаев. Так, разыскивая крупный бриллиант, украденный с иконы Богородицы в Рижском кафедральном соборе, начальник сыскной полиции велел своему агенту спрятаться в спальне у подозреваемых (ими были супруги – ранее судимый за кражу церковный сторож и его жена), чтобы подслушать, о чём они будут говорить. Ведь других «жучков» в те годы у полиции ещё не было!

Пока агент устраивался в квартире, Кошко допрашивал в отделении подозреваемых супругов. Сделав вид, что поверил в их невиновность, Аркадий Францевич отпустил обоих домой. Поздно вечером в условленное время начальник сыска вместе с полицейскими окружил сторожку с перепуганной парочкой и громко крикнул своему агенту: «Панкратьев, где бриллиант?»

И тут, к неопишуемому ужасу хозяев, из-под их кровати вылезает взъерошенный Панкратьев и радостно сообщает,

что бриллиант спрятан в дровах – супруги это меж собой обсудили первым делом. Переколов сотни полторы поленьев, полицейские отыскали драгоценный камень. После чего «засланный казачок» долго жаловался начальнику, как тяжело ему было лежать восемь часов под кроватью, укутавшись вонючими тряпками: «Они, сволочи, пружинным матрасом чуть мне всю рожу не расцарапали»...

В 1905 году Аркадия Кошко назначили заместителем начальника Петербургской сыскной полиции. Рапорт о переводе из Риги он подал по своей инициативе в связи с тем, что в его адрес начали поступать угрозы. В городе в те годы ситуация была очень непростая, и, хотя Аркадий Францевич не занимался «политическими» и откровенно не ладил с охранкой, он, естественно, участвовал в расследовании ряда уголовных преступлений, совершаемых радикалами из революционных партий.

Например, расследовал налёты на рижские банки, задерживал виновных, сажал их под стражу. Немудрено, что это вызвало злость у революционеров, они начали угрожать расправой семье Кошко. Рапорт стал основанием для его перевода в Петербургскую сыскную полицию на должность заместителя начальника. Кстати, позже Аркадий Францевич также арестовывал нескольких революционеров, в том числе и Троцкого. Из Петербурга Аркадия Кошко очень скоро потребовала к себе Первопрестольная. В 1908 году ему поручили руководство всем московским сыском. (Говорят, именно

с подачи нового начальника на лацкане пиджака московские сыскари начали носить нагрудный знак с надписью «МУС» – Московский уголовный сыск, благодаря чему в дальнейшем на долгие годы за сотрудниками закрепилось прозвище «мурсы».)

Московский период был наиболее плодотворным и значимым в жизни Аркадия Кошко, он принёс ему заслуженную славу, награды и повышение в звании. Он установил строгий порядок в отделении, ввёл ежемесячные сводки совершённых преступлений, на основании которых по каждому району и по Москве в целом составлялись графики по всем видам преступлений.

Имея перед глазами всю криминальную картину, удалось выявить настоящие эпидемии, охватывающие город в предпраздничные дни, когда в Белокаменную со всех сторон съезжались налётчики, карманники, грабители и прочие уголовные элементы. Так, за один только день перед Рождеством в первый год пребывания Аркадия Кошко в Москве произошло более тысячи краж. Начальник сыскной полиции периодически организовывал грандиозные полицейские облавы на притоны и ночлежки, но, чтобы никто не успел предупредить преступников, заранее собирал всех задействованных в акции сотрудников и держал их вместе до самого начала операции.

Рассказывают, что в сыском отделении до наступления ночи порой томилось до тысячи городских. В час X они

оцепляли намеченный район. Всех подозрительных личностей задерживали, выявляя немало преступников разных мастей. Понятное дело, вскоре уголовники, опасаясь предпраздничных полицейских облав, предпочли не появляться в Москве в эти дни. И как результат – на четвёртый год работы нового начальника сыска в Москве на Пасху не было совершено ни одной кражи.

Первым делом Аркадий Францевич внедрил в практику уже, опробованную им в Риге систему идентификации личности. За годы его службы московский сыск создал солидную картотеку преступников с фотографическими, антропометрическими и дактилоскопическими данными. Он лично брался за распутывание сложных преступных схем. Так, под его руководством и при его участии была раскрыта банда мошенников, подделывающих миллионные векселя, был схвачен неуловимый Васька Белоус – главарь налётчиков, грабивших подмосковные поместья.

Не раз Кошко бесстрашно проникал в логово бандитов в облике матёрого уголовника или с револьвером в руке шёл впереди своих людей на задержание опасных преступников. В его кабинете находился гардероб с одеждой на все случаи жизни, у него имелся собственный профессиональный гримёр, способный за считанные минуты превратить респектабельного генерала полиции в мужика-извозчика. В 1913 году во время Международного съезда криминалистов в Швейцарии Московская сысчная полиция, возглавляемая генера-

лом Аркадием Кошко, заняла первое место по раскрываемости уголовных преступлений... Вскоре Аркадий Францевич был назначен заведующим всем уголовным розыском Российской империи.

В 1917 году Временное правительство первым делом упразднило все сыскные отделения, что в скором времени, конечно, отозвалось колоссальным всплеском преступности. С приходом к власти большевиков начались аресты и расстрелы бывших царских министров и генералов. Аркадий Кошко с супругой Зинаидой и младшим сыном Николаем, в 1918 году уехал в Киев (их старший сын, Дмитрий, погиб во время Первой мировой войны, средний, Иван, дед Дмитрия де Кошко, попал в плен, выжил, позже перебрался во Францию).

По рассказам правнука Дмитрия, который знает о судьбе прадеда со слов бабушки и тётушек, в Киеве Аркадию Францевичу пришлось нелегко. Власти в городе постоянно менялись, он всерьёз опасался за свою жизнь. Аркадия Кошко спасли его бывшие «подопечные» из криминальной среды. Они случайно встретили его на улице, но, помня начальника сыска как человека благородного и честного, не только не выдали его большевикам, но и помогли ему перебраться в «белую зону», контролируемую генералом Деникиным.

Какое-то время Аркадий Францевич был у него начальником уголовной полиции и отвечал за порядок в Одессе. Оттуда на последнем пароходе Аркадий Францевич выехал с се-

мьей в Турцию. В Константинополе опытный сыщик открыл своё небольшое детективное агентство, выслеживал неверных жён, давал советы клиентам, как уберечь своё добро от мошенников и воров. Опасаясь, что Турция может выдать всех белоэмигрантов России, Кошко перебрался в Париж, где уже жил с семьёй его брат, бывший губернатор Иван Францевич Кошко. Капитал для открытия нового бюро опальному генералу накопить не удалось, да и годы были уже не те, и он с трудом устроился управляющим в меховой магазин. В скором времени он начал подрабатывать написанием мемуаров и детективных рассказов, благодаря чему мы сегодня знаем, как в XIX веке раскрывались преступления в царской России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.